УДК 82-94

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-240-245

ЭТО ПИСЬМО ПЕРЕВЕРНУЛО МОЮ ЖИЗНЬ...

Герасименко Н. А.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена воспоминаниям о видном слависте Н. А. Кондрашове. Подчёркивается его роль в изучении историографии лингвистики и педагогической деятельности. Отмечается вклад учёного в формирование филологического мышления у студентов и развитие критического взгляда на историю филологической науки. Мемуары содержат редкие подробности биографии автора, связанной в молодые годы с личностью профессора Н. А. Кондрашова. Воспоминания содержат также интересные эпизоды студенческой и аспирантской хроники МОПИ имени Н. К. Крупской, характеризуют детали психологического портрета педагога классической школы славистики, дают почти документальные сведения о культурной и общественной жизни страны в 1970–1980-е гг.

Ключевые слова: Н. А. Кондрашов, славянская филология, общее языкознание, история науки, лингвокультурология, речевой портрет

THIS LETTER TURNED MY LIFE AROUND...

N. Gerasimenko*Moscow Region State University**24 ulitsa Very Voloshinoi, Mytichshi 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the memories of well-known slavist N. Kondrashov. The role of this researcher in studying the historiography of linguistics and teacher training activities is emphasized. The author notes the importance of the scientist in the formation of philological thinking among students and the development of a critical view of the history of linguistic science. The memoirs contain rare details of the author's biography associated with her younger years of the personality of Professor N. Kondrashov. Reminiscences also include exciting episodes of student chronicles of N. Krupskaya Moscow Regional State Institute, presents details of psychological portrait of a teacher of the classical school of Slavonic studies, gives almost documentary information about the cultural and social life of the country in 1970–1980s.

Keywords: N. Kondrashov, Slavic Philology, General linguistics, history of science, cultural linguistics, speech portrait

Время – вещь необычайно длинная...

Мои воспоминания о Николае Андреевиче Кондрашове связаны с двумя периодами жизни – студенческим и аспирантским. В середине 70-х гг. прошлого века наш факультет был средоточием талантливых преподавателей-русистов. Здесь работали удивительные педагоги: Анна Фёдоровна Дружинина, Алексей Виссарионович Дудников, Павел Александрович Лекант, Нина Фёдоровна

Павлюченкова, Майя Фёдоровна Тузова, Вера Николаевна Шорохова и другие. Они были очень разными, но все преданно служили лингвистике. Н. А. Кондрашов руководил кафедрой русского языка долго и мудро. Ему непросто было объединять таких независимых людей. Каждый из них имел своё мнение и прямо высказывал его, однако заведующего всегда выручали находчивость и

юмор. Ещё и поэтому его уважали и... побаивались острого слова «пришельца» (до нас Николай Андреевич работал в МГУ).

Мы, студенты, конечно, не знали тогда о взаимоотношениях внутри кафедры – старшие коллеги скрывали от нас конфликты и обиды, но словесная риторика, или, как мы бы сейчас сказали, битва умов, иногда вырывалась наружу, и мы понимали, что не всё так просто...

Прогоуливать занятия было не принято, опоздания тоже не приветствовались, хотя транспорт в те времена в Подмоскovie был развит значительно хуже, чем теперь. Однако достаточно было одного взгляда М. Ф. Тузовой и её фразы: «Поздновато...», – чтобы желание входить в аудиторию после преподавателя исчезло надолго, если не навсегда.

Казалось бы, времена были самые застойные, многое было не дозволено. (Миниатюра Вячеслава Полунина «Низ-з-з-я» как раз про это время). Но сколько «запретного» могли мы узнать на занятиях по общему языкознанию и истории лингвистических учений (см. учебники: [3–5]), которые вёл у нас Н. А. Кондрашов! До сих пор встают перед глазами его потрясающие истории...

Так, рассказ о сложных теоретических проблемах вдруг мог прерваться рассуждением об идеологических скачках в лингвистике. И мы узнавали о трудах Н. Я. Марра и всеобщем признании научным сообществом этих работ, потому что он был главным идеологом-реформатором в лингвистике и занимал высшие должности в Академии наук СССР. А затем следовал рассказ об уничтожении всех его публикаций в библиотеках, потому что вышла книга И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (см.: [8]), развенчивавшая яфетическую теорию бывшего любимца вождя.

В 70-е гг. XX в. обычный студент не мог об этом нигде прочесть. Голос свободы ворвался в лингвистику лишь во второй половине 1980-х. Такого рода информация поступала только от очевидцев – тех, кто лично присутствовал при обсуждении важных проблем. Конечно, Николай Андреевич по возрасту не застал академика

Н. Я. Марра, но отголоски «аракчеевского режима» в языкознании испытал на себе с лихвой и даже поплатился за это «наслаждение». Но таковы были обстоятельства, в которых он воспитывался (см. подробнее: [7]). Его старший коллега и учитель академик Н. С. Державин сам когда-то был марристом, а потом восстанавливал расстрелянную славистику в послевоенном МГУ. Именно к нему на кафедру и попал молодой задиристый лингвист. Кстати, Н. А. Кондрашов защищал свою кандидатскую диссертацию в 1949 г. [2], как раз в период очередного натиска марристов и борьбы с «безродными космополитами». Непростое это было время... Николай Андреевич знал о нём не понаслышке.

На лекциях Н. А. Кондрашова мы были потрясены рассказом о том, что основоположник современного структурно-семантического направления в лингвистике, выдающийся филолог, стилист, исследователь языка художественной литературы, впоследствии руководитель Института русского языка АН СССР Виктор Владимирович Виноградов, попав в опалу, был в негласной ссылке в Калинин и работал там на кафедре русского языка педагогического института. Как повезло студентам и преподавателям этого вуза! Но, оказывается, и мы можем позавидовать нашим предшественникам. В. В. Виноградов недолго, перед войной, работал в МОПИ на кафедре русского языка.

Мы получали от Н. А. Кондрашова много личной информации, которая не входила в программу, но расширяла наше представление о развитии науки. Так, однажды он пригласил к нам чешского лингвиста М. Кубика, с которым дружил. Мы слушали его лекцию. Это было необыкновенно – живой лингвист-иностранец!

Как мудрый педагог, Н. А. Кондрашов отлично понимал важность славистики в филологической подготовке будущих учителей. Анализируя опыт чтения пропедевтического курса «Введение в языкознание», против которого тогда выступали некоторые функционеры, он особенно отмечал, что «Введение в языкознание» «имеет целью заложить основы слависти-

стических знаний и выработать приёмы филологического истолкования древних текстов. Именно поэтому он вобрал в себя наиболее существенные сведения из славянской филологии, которая не представлена в учебных планах педагогических институтов» [6, с. 6].

Николай Андреевич всегда выделялся независимостью суждений, свободным общением со студентами. Он не разделял границ между преподавателем и первокурсником. (В те времена вообще не было принято профессиональное общение со студентами как с коллегами). Научные споры с Н. А. Кондрашовым мы слышали не только на занятиях, но и в коридорах флигеля главного корпуса на улице Радио, где тогда располагался наш факультет, или на скамейке перед ним в хорошую погоду. Это было пространство филологии, заполненное людьми, которые знали и любили русский язык и литературу или хотели знать и любить эти предметы.

Николай Андреевич внимательно присматривался к выпускникам, проявлявшим интерес к лингвистике. Как заведующий кафедрой русского языка он старался привлечь таких студентов к научной работе, помнил их по именам, даже когда они разлетались по градам и весям необъятной страны. Такой неожиданный эпизод произошёл и в моей биографии и, можно сказать, решил будущую судьбу.

Окончив МОПИ с красным дипломом, я получила рекомендацию в аспирантуру от кафедры, но вместе с мужем уехала по распределению работать на Камчатку. Тогда поступать в аспирантуру можно было только имея двухгодичный опыт преподавательской работы и преимущественно по целевому направлению.

Я попала в очень хорошую школу в городе Петропавловск-Камчатский, получила классное руководство и часы в четвёртом классе. Как раз тогда проходил очередной эксперимент в образовании: начальная школа завершалась в третьем классе, а в четвёртом уже работали учителя-предметники. В моём классе было 45 человек. Тетради надо было проверять каждый день

Автограф Н. А. Кондрашова на титульном листе книги «Лингвистический сборник. Выпуск 9. Проблемы лексикологии и семасиологии русского языка» (Москва, 1977)

обязательно. А ещё работа с родителями, классные часы, внеклассные занятия и т. д. Я забыла не только о науке, но и о сне. Но Николай Андреевич обо мне не забыл.

Прошло ровно два года с момента моего переезда на Камчатку. И вдруг на уроке меня вызывают в коридор. Незнакомая девушка протягивает мне конверт и говорит, что это письмо ей передали из местного пединститута. В нём тогда работала ученица Н. А. Кондрашова кандидат филологических наук Марина Вениаминовна Суцёва. Не зная моего адреса, Николай Андреевич написал ей письмо и попросил найти меня и передать эту весточку. Трудно выразить моё изумление! На Камчатке, на краю света, в городской школе найти свою бывшую студентку и напомнить ей, что когда-то она «подавала надежды» ... Какое же надо иметь сердце! Н. А. Кондрашов в свойственной ему грубовато-ироничной

манере «назидал» (к сожалению, письмо из-за многочисленных моих переездов не сохранилось, восстанавливаю его текст по памяти): «Надолго ли ты, убогая, решила похоронить себя на окраине Российской империи? Хочу тебе напомнить, что мозги без тренировки разрушаются. На Камчатке есть пединститут. Иди туда на кафедру русского языка с моим письмом и направлением. Они могут послать тебя в аспирантуру целевым назначением...».

Это письмо перевернуло мою жизнь. Я, конечно, пошла в пединститут, где, благодаря рекомендации Н. А. Кондрашова, мне дали направление в целевую аспирантуру. (Справедливости ради надо сказать, что я их не подвела. После успешной защиты кандидатской диссертации [1] я вернулась на Камчатку, много лет проработала на кафедре русского языка, в том числе и в должности заведующего). Но это было позже.

В 1978 г. я поступила в аспирантуру в МОПИ. В круг моих обязанностей входили преимущественно самостоятельные занятия в библиотеке, участие в деятельности кафедры (выполнение поручений заведующего, помощь преподавателям, работа на подготовительных курсах), а посещение ежемесячных заседаний было для аспирантов обязательным. Там мы тоже учились, потому что на кафедре обсуждались диссертации, новинки лингвистики, словари и грамматики.

Н. А. Кондрашов, будучи председателем диссертационного совета, много и серьёзно занимался аспирантами. Мы должны были присутствовать на всех заседаниях совета и делали это с удовольствием, потому что в те времена к нам приходили очень интересные, яркие учёные: В. В. Бабайцева, И. Г. Добродомов, Г. А. Золотова, Л. Ю. Максимов и другие. Порой отзывы о диссертациях были жёсткими, нелицеприятными, но всегда справедливыми и для нас, аспирантов, поучительными. Николай Андреевич нередко и сам задавал острые вопросы. Так, он мог «для разогрева» на защите диссертации по синтаксису потребовать исторических комментариев к описываемому явлению, а потом во всеуслышание заявить:

– А что, у нас существует исторический синтаксис?

В полемику включались Л. Ю. Максимов, И. Г. Добродомов, а удовлетворённый председатель диссертационного совета сидел, сложив руки на столе, и прятал улыбку: он обеспечил обязательную для протокола дискуссию.

Н. А. Кондрашов обладал критическим складом ума, что не могло не сказаться на его отношении к аспирантам. С одной стороны, он, как «отец родной», всегда вникал в жизненные проблемы своих учеников, разрешал уехать к родителям, детям, устроить себе небольшой отпуск, чтобы потом с новыми силами работать над диссертацией. С другой стороны, он не прощал обмана, лени и лицемерия. Была у Николая Андреевича одна аспирантка (назовём её Н.), которая никак не могла понять свою тему и спрашивала у всех, о чём ей надо писать. Тема, и правда, была трудная, новаторская по тем временам. К концу первого года обучения, устав объяснять, что надо делать, он устроил ей настоящий разнос на заседании аспирантского объединения:

– Ты, бездарь, не умеешь ни читать, ни писать! За год не смогла разобраться в проблеме.

Но он не отчислил её, а дал ей другую тему, оценив её возможности и понимая, что она должна вернуться в свой город, окончив аспирантуру.

Для нас Николай Андреевич вёл аспирантский научный семинар, на котором вся молодёжь кафедры должна была выступать с докладами и отчитываться о том, что сделано по теме диссертации. Здесь, среди своих, он вёл себя как самый строгий критик, не щадя самолюбия начинающих исследователей. Жёсткие эпитеты сыпались, как из рога изобилия (это вообще было в манере Н. А. – использовать экспрессивную лексику в оценках):

– Пораскинь своим слабым умишком!

Или по-другому:

– Ваша недалёкость меня потрясает!

А иногда и вот так:

– Полное лингвистическое невежество!

Мы панически боялись его анализа и категорических высказываний. Но это было очень действенное средство. Чтобы не получить разнос, мы сто раз думали, что писать и говорить. Зато какое счастье было услышать от него:

– Да у тебя есть мысли. Молодец!

Только по прошествии времени начинаешь понимать, что он готовил нас к серьёзным научным дискуссиям на защите, учил отстаивать своё мнение. И прежде всего учил это мнение иметь.

Родным домом аспиранта и ночным клубом была библиотека. Интернета тогда не было, вся научная литература находилась на книжных полках. Поэтому мы почти ежедневно приходили в читальный зал Ленинки (так любовно мы назвали главную библиотеку страны) и проглатывали горы книг, журналов, сборников. Иногда приходилось долго ждать заказанной литературы из хранилища. Тогда наступало время отдыха.

Николай Андреевич регулярно появлялся в библиотеке, заходил в третий зал, где занимались аспиранты, поглядывал, кто сегодня пришёл, а кого нет. Конечно же, это не входило в его обязанности, но он хотел знать, как работают аспиранты кафедры. Часто во время его приходов в кулуарах возникали посиделки – разговоры о «филологии жизни». Он не уставал повторять, что в любой научной работе главное – последовательность и трудолюбие.

– Вам часто кажется, что вы читаете бесполезные книги, в них ничего нет по вашей теме, но в это время расширяется ваше представление о науке. Читайте, думая, а не скользя глазами по тексту. Тогда вы увидите неожиданный поворот, который ведёт к вашей теме, к вашему открытию.

Для самого Николая Андреевича писать ежедневно, без выходных было правилом. Его он распространял и на аспирантов:

– Две страницы в день ты должна написать в любых условиях. Получится больше – хорошо, не получится – на следующий день – 4 страницы.

Мы запомнили это на всю жизнь.

Николай Андреевич обладал удивительным чувством юмора, часто жёстким, но иногда добродушным. Так, например, он любил повторять, когда его спрашивали о какой-то кандидатской диссертации:

– Хорошая работа. 150 страниц через полтора интервала, со списком литературы. Что ещё надо?

У меня осталось несколько автографов Николая Андреевича, которые подчёркивают эту его черту. Так, наряду с обычным «Наталье Аркадьевне Герасименко от редактора» он мог написать: «Пусть это будет первоапрельская шутка», когда дарил мне, занимавшейся грамматикой, синтаксисом, сборник статей по проблемам лексикологии. Николай Андреевич с некоторым ехидством относился к модным в то время терминам *предикация*, *предикат*, *предикативность*, а мы, начинающие грамматисты, были увлечены новыми лингвистическими явлениями и активно их изучали и описывали в своих работах. Ироническое отношение к этому проявилось в надписи на другом сборнике, подаренном мне Николаем Андреевичем: «В знак скрытой предикации».

Спустя много лет понимаешь, что лысоватый, невысокий, корпулентный, как сейчас бы деликатно сказали (а сам бы он произнёс *лысый и толстый*), профессор Кондрашов был настоящий былинный герой. Богатырь мысли, богатырь души!

Статья поступила в редакцию 13.11.2019г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасименко Н. А. Грамматическая форма и семантическая структура предложений тождества в современном русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1981. 211 с.
2. Кондрашов Н. А. Категория личности и неличности в словацком языке: дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 1949. 262 с.
3. Кондрашов Н. А. Общее языкознание: (курс лекций). Ч. I. История языкознания. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1972. 173 с.

4. Кондрашов Н. А. Общее языкознание: (курс лекций). Ч. II. Проблемы языкознания и методы изучения языка. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1974. 171 с.
5. Кондрашов Н. А. История лингвистических учений: учеб пособие для студ. пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1979. 224 с.
6. Кондрашов Н. А. Соотношение общелингвистических и историко-лингвистических циклов в системе подготовки учителя-словесника // Географические и хронологические пределы распространения русского слова. Лингвистический сборник. Вып. 13. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1979. С. 3–10.
7. Никитин О. В. Филолог-славист Н. А. Кондрашов как историограф науки и педагог (К 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2019. Т. 80. № 5. С. 81–89.
8. Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Политиздат, 1950. 114 с.

REFERENCES

1. Gerasimenko N. A. *Grammaticheskaya forma i semanticheskaya struktura predlozhenii tozhdestva v sovremennom russkom yazyke: diss. ... kand. filol. nauk* [The grammatical form and semantic structure of identity sentences in modern Russian]. Moscow, Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya, 1981. 211 p.
2. Kondrashov N. A. *Kategoriya lichnosti i nelichnosti v slovatskom yazyke: diss. ... kand. filol. nauk* [The category of person and impersonal in the Slovak language: PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 1949. 262 p.
3. Kondrashov N. A. *Obshchee yazykoznanie: (kurs lektii). Ch. I. Istoriya yazykoznaniiya* [General linguistics: (course of lectures). Part I. The History of linguistics]. Moscow, Krupskaya Moscow Region Pedagogical Institute Publ., 1972. 173 p.
4. Kondrashov N. A. *Obshchee yazykoznanie: (kurs lektii). Ch. II. Problemy yazykoznaniiya i metody izucheniya yazyka* [General linguistics: (course of lectures). Part II. Problems of linguistics and methods of language learning]. Moscow, Krupskaya Moscow Region Pedagogical Institute Publ., 1974. 171 p.
5. Kondrashov N. A. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii* [History of linguistic doctrines]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1979. 224 p.
6. Kondrashov N. A. [Correlation of general linguistic and historical-linguistic cycles in the training system of a teacher-vocabulary]. In: *Geograficheskie i khronologicheskie predely rasprostraneniya russkogo slova. Lingvisticheskii sbornik. Vip. 13* [Geographical and chronological limits of the spread of the Russian word. Linguistic collection. Iss. 13]. Moscow, Krupskaya Moscow Region Pedagogical Institute Publ., 1979, pp. 3–10.
7. Nikitin O. V. [Slavic philologist N. Kondrashov as a historiographer of science and a teacher (to his 100th anniversary)]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2019, vol. 80, no. 5, pp. 81–89.
8. Stalin I. V. *Marksizm i voprosy yazykoznaniiya* [Marxism and problems of linguistics]. Moscow, Politizdat Publ., 1950. 114 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Герасименко Наталья Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;
e-mail: nataly@lsm.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia A. Gerasimenko – Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Modern Russian Language, Moscow Region State University, Honorary Worker of higher professional education of the Russian Federation;
e-mail: nataly@lsm.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Герасименко Н. А. Это письмо перевернуло мою жизнь... // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С. 240–245.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-240-245

FOR CITATION

Gerasimenko N. A. This Letter Turned My Life Around... In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 5, pp. 240–245.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-5-240-245